

https://doi.org/10.18485/bogoljub_stankovic.2018.ch21
811.162.1'373.74
811.16'373.74

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА УШАКОВА
Тюменский государственный университет
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра общего языкознания

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ТОБОЛЬСКОГО «ФЕАТРОН»)

Статья посвящена исследованию конструкций принадлежности в тексте рубежа XVII–XVIII вв. Материалом исследования является произведение митрополита Иоанна Тобольского «Феатрон».

Ключевые слова: церковно-славянский язык, притяжательные конструкции, посессивная семантика, субъект и объект принадлежности, субъект действия, косвенный субъект

Alexandra Pavlovna Ushakova

CATEGORY OF POSSESSION IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE WORK OF METROPOLITAN IOANN OF TOBOLSK "THEATRON")

The article is devoted to the study of the grammatical forms expressing possession (belonging) in a historical Russian religious text written in the XVII–XVIII centuries. The study is based on the work of Metropolitan Ioann of Tobolsk "Theatron".

Keywords: Church Slavonic language, possessive grammatical forms, possessive semantics, subject and object of possession, subject of action, indirect subject

Конструкции принадлежности представлены в русском языке разнообразными формами. Это весьма значимая категория, ведущая свое начало с древних времен. Категория посессивности, или принадлежности, существует в языке наряду с категориями времени, пространства, причины и другими. Посессивность – это выраженное языковыми средствами отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания

* apushakova@rambler.ru

одного из них другим. Термин «обладание» в качестве одной из категорий (εχειν) был выделен еще Аристотелем. Категория принадлежности материализуется в основном посредством притяжательных прилагательных, родительного падежа существительных, дательного падежа местоимений и существительных, притяжательных местоимений, различными предложно-падежными формами.

На протяжении истории языка данные модели изменялись, параллельно могли существовать разные формы отражения категории принадлежности. В истории русского языка вплоть до XVII в. притяжательные прилагательные являлись главным средством выражения принадлежности. В современном русском литературном языке в этой роли выступает родительный падеж имен существительных. Притяжательные прилагательные ограничены сферой семейных отношений, где они продолжают активно использоваться: *у дедкова дома меня больно ужалила...пчела* (В. Белов); при этом в различных славянских языках имеются как общие конструкции, восходящие к праславянскому периоду, так и различные. Так, в сербском языке сохранились притяжательные прилагательные, использование родительного падежа существительных со значением принадлежности часто бывает ограничено определенными условиями, отчасти сохраняется дательный падеж принадлежности местоимений и существительных: „... док је Ибрахим Ругова убијен, а кућа му је запалена“ (с. 40) – „...Ибрагим Ругова был убит, а дом его сожжен“; – „Ово је крај света – коментарисали су многи док су им сузе липтале, али не од страха већ од испарења изазваних детонацијама“ (с. 45) – „Это конец света,“ – говорили многие, в то время как слезы текли из их глаз, но не от страха, а уже от испарений, вызванных взрывом“; „Ево видите, усташе нам руше град“ (с. 157) – „Вот, видите, усташа разрушают наш город“.

В русском языке утратился дательный падеж принадлежности, однако появились новые формы (у+род. падеж) и т.д.

Мы обратились к тексту, в языковом отношении характеризующему начало XVIII века (1708г). Целью нашего исследования является выявление особенностей употребления единиц принадлежности в церковнославянском тексте «Феатрон». Данный текст до настоящего времени не изучен, хотя он до сих пор, через три столетия после его написания, является актуальным и злободневным. Это произведение Иоанна Максимовича, Тобольского митрополита, переведенное им с латинского языка. Святитель Иоанн был не только церковным служителем, но и дипломатом, просветителем, писателем. Его перу принадлежат переводные, а также собственно русские прозаические и стихотворные тексты.

Полное название текста дается на рисунке в приложении к данной статье, на русский язык мы его перевели следующим образом: *‘Феатрон, или нравоучительное обозрение, для царей, князей, владык и для всех*

спасительное, в котором тщательно написано, что делать и соблюдать начальникам и от чего устраниваться'. Мы уже обращали внимание на то, что автор подошел творчески к переводу латинского текста в соответствии с канонами Православной Церкви (Алексеева, Ушакова 2011: 149–150). В тексте много авторских вкраплений, замечаний, умозаключений в стихотворной форме.

Произведение святителя Иоанна Тобольского «Феатрон» относится к текстам духовного содержания, это своего рода свод поведенческих правил, которым должен следовать правитель в своей жизни. Творчество автора проникнуто необходимостью осознания смысла жизни, ее ценностных составляющих. Автор обеспокоен судьбой своего Отечества и обращается к людям с призывом к разумному управлению государством. Основное его внимание обращено к начальствующим, но в то же время это обращение и к любому человеку. Каждый на своем месте должен поступать по совести.

Жанровые особенности этого произведения определяются коммуникативными намерениями автора – воздействовать на читателя через показ жизненных ситуаций, приведение примеров из жизни отдельных людей, которые являлись непосредственными свидетелями описываемых событий. Так как основная цель труда «Феатрон» – показать читателю, каким должен быть начальствующий, в тексте в достаточной мере представлен публицистический стиль. Автор приводит различные выдержки из произведений о роли правителей в жизни народа, цитирует высказывания великих людей о необходимых качествах, присущих человеку, который решил управлять государством, людьми.

Для доказательства своих положений автор обращается к историческим примерам, а также к свидетельствам Священного Писания, отцов Церкви, отдельных военачальников, историков, авторов литературных произведений. В тексте имеются иллюстрации из мифов, народных сказаний. В качестве итога, основного умозаключения, в конце каждой главы в стихотворной форме приводится высказывание самого автора. Это заключение созвучно заглавию, в котором содержится основная мысль всей главы. В каждой главе характеризуется одно из качеств, которому должен следовать начальствующий. Поэтому главы, с одной стороны, являются самостоятельным тестом, а с другой, их объединяет общая идея: начальствующий должен следовать правилам, соотносимым с положениями, прописанными в заповедях Божиих. Тогда будет процветать государство, и народ будет почитать своих правителей. Однако и сам народ, по мысли автора, должен соответствовать данному кодексу жизни. В итоге в конце каждой главы автор подчеркивает необходимость следовать в своей жизни заповедям Божиим, исполнение Заповедей Божиим самим начальствующим способствует спасению окружающих. На-

пример, глава 28 носит название: «*Подъ крепкую Руку Божию должен себе Началникъ смирити, и вознесетъ царство его ...*» (с. 374).

Приведем текстовые иллюстрации. *Буди ты людемъ яже къ Богу, и донесеши слова ихъ къ Богу, избери себе от людей мужы силны. Бога боящийся, мужы праведныя, и ненавидящия величания, да суждутъ я по вся часы, се сотвориши, исполниши предание и заповедь Божию* (с. 144). *Неприлично прѣбеззаконно и безчестно дело. Веру изменяти, обетовъ неисполняти и християнскаго имени въ Царе весма недостойно* (с. 195); *Вождена-чалникъ имей предъ собою Божественное Писание, благополучно царство свое управитъ* (с. 233) и др.

«Феатрон» свидетельствует о состоянии русского языка рубежа XVII–XVIII в.в. (текст был издан в 1708 году). Это период формирования норм русского литературного языка, характеризующийся сознательными изменениями, вносимыми в церковнославянские тексты, которые были мотивированы, как правило, ориентацией на греческие тексты и на греческие языковые модели. В то время продолжают трансформации в оформлении притяжательных конструкций, служащих для выражения категории принадлежности. К ним относятся притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные, существительные с родительным падежом принадлежности. Так как «Феатрон» является переводным текстом, то актуальным оказалось его рассмотрение как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

Притяжательные прилагательные от нарицательных имен уже в конце XVIII в. – начале XIX в. были гораздо менее употребительны, чем прилагательные от собственных имен, они уходят из литературного языка раньше. Это преимущественно названия лиц по семейным отношениям и общественному положению: *болезнь сестрицына, приказчиков дом, невестины родители*. Но эти немногочисленные прилагательные употребляются гораздо реже, чем соотносительные формы родительного падежа от соответствующих существительных, и преимущественно в художественной литературе, письмах, мемуарах. Последнее заставляет предположить, что притяжательные прилагательные от нарицательных имен уже во второй половине XIX в. имеют разговорно-просторечную окрашенность» (Изменения... 1964: 131–139).

Слависты отмечают, что суффикс **-ин** в XVI–XVII вв. обладал большой продуктивностью сравнительно с суффиксом **-ов**, **-ев**, но уже в XVIII в. он обнаружил большую жизненность, чем суффикс **-ов**. Ослаблению употребительности притяжательных прилагательных на **-ов** способствовала их омонимия фамилиям на **-ов** и формам родительного падежа множественного числа имен существительных (Мароевич 1983: 51).

Обращение к тексту митрополита Иоанна «Феатрон» показало, что притяжательные прилагательные со значением конкретной прина-

длежности представлены в тексте, хотя и в меньшем количестве, чем родительный падеж. Из прилагательных с суффиксом **-ов**, **-ев** преимущественно отмечен вариант с **-ев**. Определяемое имя представлено значениями родства: *Но ты не бе царев сын* (с. 112); *в супружество име прियाти дщерь цареву* (с. 127); части тела: *сердце царево к злomu деянию уклонят* (с. 157); *без смущения ума царева* (с. 155); *толико благоприятен образ царев* (с. 7); *отвержен будет от лица царева, и беседи не сподобится* (гл. 4, 60). В приведенных примерах речь идет не о конкретном царе, автор рассуждает, каким должен быть любой человек, получивший царский престол, но значение принадлежности здесь сохраняется, хотя и имеется определенное обобщение. Аналогичны приведенным следующие конструкции: *Царским сим путем победиша доблественныи воины Христовы* (с. 114); *Что сотворити име, камо обратитися доблественный воин Христов не обрешаше, мучением непобежденный* (с. 115).

Единично представлена предметная принадлежность и авторская: *Почто на столпе Давидовом тысяща щитов* (с. 40); *в книгах пяти Моисеових положены слова* (с. 44); несколько примеров, где притяжательная конструкция представляет устойчивое сочетание: *лучше бы избрал камень Зизифов носити* (с. 76); В основном прилагательные используются с именными окончаниями: *слово Тулияново* (с. 22); *Тесть Моисеов* (с. 144); *Царево начертание* (с. 155); С полными окончаниями притяжательные прилагательные единичны. Отмечены примеры, когда по правилам должна быть форма родительного падежа, но представлено притяжательное прилагательное: 1) при указании на принадлежность нескольким лицам: *победивши бо Дария оружием, сокрушивши все воинство Перское, жена, и мати царева в плен отведены* (с. 113); при наличии приложения: *егда бо Руфин Началник воев* (с. 131). Таким образом, в исследуемом церковнославянском тексте наблюдается использование притяжательных имен прилагательных с суффиксом **-ов** (**-ев**).

В «Феатроне» выявлены притяжательные прилагательные с суффиксом **-жь**, которые представляют собой образования от слова *человек* в его обобщенном значении: *нарицаше рода человеча настырем* (с. 93); *руку человечу представляет, несть бо рука паче руки человека прогневанна, ни едина лютость тако ужасна яко человеча на ярость готова* (с. 85–86); *почто в извещение смерти представляется рука человеча?* (с. 85).

В анализируемом тексте имеют место и имена прилагательные на **-ий**, **-ов-ый**, **-ин-ый**, **-н-ий**, а также адъективные образования с суффиксом **-ск**, которые используются в тексте в краткой и полной формах. У данных прилагательных, которые относят к разряду относительных, наряду с обобщенным значением, отмечены случаи со значением конкретной принадлежности: *Даниилна прошение чиновниковъ в ровъ левскъ къ лвомъ вовержен* (с. 85). Нами отмечены случаи с прилагатель-

ными на **-ин-ный**, мотивированные словами *зверь, паук, оса: правда сия штем паучинным соравненна* (с. 128); *законы аки паучинныи съты вмѣняют* (с. 118); *да въ явлении рукъ звѣринных множайший страх наведет* (с. 85); *не закон по словеси Анахарсия, но шти паучинные, их же...* (с. 32); в приведенных контекстах при имеющемся сопоставлении отношение притяжательности сохраняется. В тексте имеют место авторские адъективные образования: *Будите оубо Началници пчелниціяни а не осияни, пчелнимъ началником оуподобитесь, не осиннымъ* (с. 31).

Таким образом, в связи с публицистической направленностью текста, желанием автора обратить внимание читателя на вопросы преимущественно нравственного характера притяжательные конструкции приобретают обобщенное значение. Свое место занимают иллюстрации с указанием принадлежности многим лицам. Для подтверждения своих мыслей, усиления наглядности приводятся случаи из жизни конкретных людей, поэтому имеются примеры конкретной принадлежности: родственных отношений, авторства, неотчуждаемой принадлежности, отношений между людьми.

В тексте очевидно преимущественное использование родительного принадлежности сравнительно с притяжательными прилагательными. Видимо, здесь сказалось влияние публицистичности произведения, либо оригинала на латинском языке, возможно также влияние древнегреческого языка, где в роли определения использовался родительный падеж. Б.А. Успенский, свидетельствует, что в XVIII веке конструкции с родительным падежом усваиваются русским литературным языком нового типа (Успенский 2002: 457). Это обусловлено, видимо, западноевропейским влиянием, которое в данном моменте совпадает с греческим влиянием: конструкции с род. падежом могут приходиться непосредственно из западноевропейских языков, однако они ложатся на почву, подготовленную реформой церковнославянского языка второй половины XVII в. Судя по наблюдениям славистов, вначале родительный падеж принадлежности вытеснял имена прилагательные в церковнославянском языке, а затем это стало происходить и в бытовой русской речи. «Крајем XVII и почетком XVIII века постају све чешћи случајеви употребе посесивног генитива од именице без атрибута и апозиције» – В конце XVII и начале XVIII века все чаще наблюдаются случаи употребления посессивного генитива имени существительного без определения и приложения, – отмечает Р. Мароевич, обобщая наблюдения русских авторов. По его словам, в этот период посессивный генитив интенсивно вытесняет притяжательные прилагательные (Маројевић 1983: 151). Однако родительный принадлежности в восточнославянских языках XI–XVII вв. использовался в случаях, если существительное со значе-

нием лица по своему происхождению было субстантивированным прилагательным или причастием, когда необходимо было выразить принадлежность двум или нескольким лицам, в то же время в этом качестве использовались и притяжательные прилагательные.

Таким образом, текст «Феатрона» отражает речевую стихию конца XVII – начала XVIII вв., когда еще очевидно активное использование притяжательных прилагательных. В тексте свидетельствуется явное преимущество конструкций с родительным принадлежностью, в том числе и с одиночным генитивом, не осложненным никакими определениями. По условиям употребления формы с родительным падежом были осложнены определением: *полки враг жестоких* (с. 60); *Зрете колико ползова мужественнаго Вожда образ* (с. 7); *лице человека брата* (с. 95); *от уст римскаго красноглагольника произнесенная* (с. 49); *Давид, пасий стадо отца своего, на царство помазан* (с. 93); родительный падеж мог быть осложнен причастным оборотом: *бе же меч над самую выю онаго сладострастного, в премногом изобилии пребывающаго низпущенный* (с. 71); *пишуци образ Елены, недоволен бе единой девицы красоты, но от различных едину прекрасну написа икону* с. 141); *се Царь, любяи правду, друга не опечали, от истинны не уклонися, прошением не прелщен, аки имел в сердцу Периклия слово, молимый той от друга рече* (с. 22).

Родительный падеж дополнялся в других примерах приложением: *Вспомянете Генриха Осмаго Англии Царя* (с. 111); *Евдоксии жене царя Аркадия* (с. 131); в том числе при указании на принадлежность нескольким лицам: *Сие есть дела вдовиц, сирот, и человек, убожества ради уничиженных* (с. 134) (в данном примере конструкция осложнена причастным оборотом); *Послежде лживии и лукавии приставники укланяются на отъятие, неразумно бо суд творяще..., тогда убо совершенно помрачается держава властелинов, имя же является безчестно* (с. 119); *едва ли не полезнее бе руку льва или волка представить* (с. 85); *Престол князей низложи Господь, и посади смиренныя вних место* (с. 68).

В роли родительного принадлежности выступало причастие, прилагательное или местоимение: *душу слышащих прелщают* (с. 156); *до зела сердца врученных смущают* (с. 37); *аще сердца начальствующих иначе беззаконных, к страху вскоре преклоняются* (с. 57); *расхищают имения убогих* (с. 119); *Истинно есть в устех всех носимо речение* (с. 138); *На него всех очи, и слух прилежно суть отверзтии* (гл. 8, 103).

В «Феатроне» отмечены субстантивные конструкции принадлежности с родительным падежом в тех случаях, где полагалось для данного периода употребление притяжательного прилагательного: *вскоре Кесарь десницу взяли Философа, рече: еще ми еси благопотребен, не отпуцу тя* (с. 28); *яко бо струсь прилежно взывает, не приседит над яйцами, зрением птенца животворит; тако Началника очи в наставление, к умножению*

добродетелей врученных возбуждают (с. 89); *Ученицы Аристотеля горб украшения вместо почитаху* (с. 8).

Семантика главного слова в словосочетаниях этого типа конструкций различна: а) конкретный предмет: *дом, имение, меч, двор, жезл, копие, оружие и другие*; б) слова, называющие родину человека: *державы, престол*; в) часть человеческого организма, образа человека (самая многочисленная группа): *глава, десница, рука, душа, лицо, уста, сердце, очи* и другие; г) со значением номинации, например: *и самаго имя и честь весьма помрачена* (с. 119); д) принадлежность по родству: *сестра, сын, внук, жена, отец*; е) словосочетания со значением принадлежности по отношению к другому лицу: *вождь, ученик, воинство, начальник, друг, служитель, раб*; ж) примеры со значением авторской принадлежности, в основном: *речения, слова*, имеющие материальное наполнение, например: *Некоего Еврипида речение бе* (с. 12); сюда же относим слово *образ*: *образ судий бе изваянный* (с. 126).

Нами засвидетельствован в «Феатроне» случай контаминации родительного принадлежности и прилагательного с суфф. -ск: *Оттоль царский Ранутия Вождя дом, Питагорним училищем нарицаешся* (с. 100), где лексема *царский* означает 'царя' дом.

Таким образом, в ситуации, когда в роли лица владеющего выступает причастие, местоимение, или при осложнении притяжательной конструкции различными определениями, причастным оборотом, где притяжательное прилагательное невозможно образовать, используется родительный падеж. Случаи использования одиночного родительного, стилистически немаркированные, считаем влиянием оригинала и, видимо, публицистической направленностью произведения; преобладание родительного падежа также связано с усложнением содержания текста, новых понятий, требующих пояснения и уточнения.

В лингвистической литературе установилось мнение, что родительный приименный является более надежным и объективным средством выражения принадлежности, позволяющим установить возможности конкретизации и уточнения передаваемых отношений. Приименный родительный может иметь при себе определение, уточняющее смысл высказывания. Притяжательные прилагательные, как способ выражения принадлежности, не употребляются по отношению к понятиям во множественном числе, ибо не могут выражать коллективную притяжательность. Такая особенность свойственна родительному падежу.

В тексте используются конструкции с притяжательными местоимениями, при этом прослеживается преимущество конструкций с местоимением **свой** при указании на принадлежность 3-му действующему лицу (единственного числа): *сотвори он сам истязание с рабы своими* (с. 136); *сребролюбей же всеми недоволен, безчисленна восхищает, гортань свою несытую*

хотя исполнити, и никогда глаголет, довлеет (с. 134); кто в своих неверен власех, недостоин есть судом управления (с. 133–134). Менее представлены примеры с указанием на принадлежность субъекту в 3-ем лице (множественного числа): Родители укланяются, в родителном, собирающе богатство всяким подобием праведными и неправедными прибитки, силны желающе оставити чада своя (с. 118); Тем добре наставляются Начальницы, да не всегда приставников своих разумениям последуют советующим (с. 119); Аще кто в градах изобрящется, возмнеша бо яко Греки изоставивши жилища своя празны, бегство восприемши, домы своя пусты оставляют (с. 154).

Предпочтение в использовании местоимения **свой** в «Феатроне» объясняется более частым функционированием 3-го лица в публицистической, повествовательной литературе.

Слависты отмечают, что в XVII в. тенденцией для церковнославянского языка становится ограничение местоимения **свой**, которое используется при указании на принадлежность субъекту речи только 3-го лица. (Успенский, 2002: 459–461). В данном тексте находим использование местоимения **свой** при указании на принадлежность производителю действия в большей степени 3-го лица, на второе и третье лицо приходится небольшое количество примеров, больше таких случаев при указании на принадлежность 2-му лицу (ед. числа). Как правило, в анализируемых контекстах автор хочет выделить значимость сообщаемой мысли, подчеркнуть ее назидательный характер или противопоставить чему-либо, например: Прилежный бе и равной бодрости Периклий хранитель... всегда к себе самому вещаше: Блюда о Перикле, ...Афинеиска града жители паче всех человек неблагодарнейши, блюда себе, главы своя да не лишен будеши (с. 94); вскоре приложи Дионисий, и ты делу сему прилежаще, таковая творя, не узриши сынов своих на царстве: пророчески се рече (с. 112); ...ино дело изъяви их прославленных. Мы же тех отнюд ни мало имеем: пробываху в домех своих прилежны, вне праведное правление, ум в советех свободен, а наипаче похотем и беззакониям непоработен имейху (с. 103–104); Научитесь все судящии земли, навькнете яко должны подначальных своих быти отци, не властелини (с. 52). Выявлен случай, когда в одном предложении с целью противопоставления, при указании на принадлежность производителю действия в 1-м лице используются местоимения **мой** и **свой**: Пришедшим паки, и влекущим человека Божия, и принуждающим рече: аще мя не оставите, язык мой, его же ради приятен и любим вам есмь, зубами своими отсеку; и тако оставлен в уединении пребывати (с. 80).

С другой стороны, в тексте имеет место употребление местоимений **мой** и **твой**, **наш** при субъекте соответственно 1-го и 2-го лица, что специфично для текстов Божественного писания, в которых заметно

преимущественное использование притяжательных местоимений при логическом выделении, подчеркивании, противопоставлении: *имам некую вещь преславу в сердцу моем* (с. 24); *Тако и Давид... везде на всяком месте источники слезныя пролия, в дому царском рыдаше: постелю мою омоцу ...Измыю доже мое* (с. 12); *Сохраню пути моя, еже не согрешати языком моим* (с. 101); *аще кто по сих изобрящется, неким малым виновен, и от мене не казнен, лишен да буду главы моя* (с. 139); *не предаем себе и вещей наших* (с. 165).

Употребление местоимений **МОЙ** и **ТВОЙ** вместо **СВОЙ** при субъекте 1-го и 2-го лица, предпочтительное для контекстов церковного содержания, видимо, отражает влияние латинского оригинала, либо древнегреческого языка, который активно воздействовал на оформление норм церковнославянского языка изучаемого периода.

При этом местоимения часто опускались, так как на лицо указывал глагол, поэтому субъект и объект принадлежности могли находиться в разных предложениях. Таким образом, исторически при указании на принадлежность субъекту действия преимущественно использовалось местоимение **СВОЙ**, хотя в отдельных случаях в этом значении могли употребляться и местоимения 1-го и 2-го лица.

В тексте «Феатрона» преимущественное употребление местоимения **СВОЙ** используется при указании на принадлежность действующему лицу того же предложения, в котором находится имя, называющее предмет принадлежности, в форме подлежащего, например: *Иероним каменнем толщаше в перси своя, до излияния крове* (с. 114); *взыска Давид сердца своего и не обрете, красота бо Вирсавии восхити е* (с. 111); *Рекулий... вскоре и сам рuce свои веригам предати принужден* (с. 59). Действующее лицо может находиться в предшествующей части сложного предложения по отношению к местоименному сочетанию: *Кто тех попирает, мужество в сердцу своем изъявляет* (с. 104).

Субъект может быть выражен подлежащим в предложении с причастным или деепричастным оборотом: *егда матери плачуция, сынов своих зряще на смерть ведомых, оглаголемы бяху* (с. 66); *Некто Хион стар собою до Лякедемонов пришед, стыдяся сединных власов своих, вами измени их* (с. 134). Владелец (в форме подлежащего) и предмет принадлежности в единичных случаях являются производителями разнонаправленных действий: *Сирянин приемши совет домовников своих, от проказы очистися* (с. 147).

Местоименное сочетание может относиться и к другим компонентам предложения, имеющим субъектное значение. В основном это случаи, когда местоименное сочетание указывает на принадлежность косвенному субъекту, который находится в предшествующем предложении или в предшествующей части сложного предложения. Субъект может

быть выражен дательным, предложным, родительным, винительным падежами с предлогом и без предлога:

- а) субъект выражен дательным падежом в предложении с устойчивым выражением: *Зело благопотребна естъ Начальствующим бодрость, толико бо на плещи своя деланий восприяли бремя* (с. 95);
- б) субъект выражен дательным падежом в предложении с причастным оборотом: *некоей матроне прилежне просящей, и безстудне о злонравном сыну своем, укаряющей яко прошение отметаает* (с. 30);
- в) имеются примеры с употреблением местоимения **свой** в обороте с причастием при его соотношении с действующим лицом в предшествующей части сложного предложения: *во наставление Началником, аще кротостию знамениты имеют быти, праведной же ярости не должны отлагати, всегда во уме своем имуще, яко суть от Бога учинены, и образ Божий носят* (с. 47);
- г) действующее лицо выражено родительным падежом, местоименное сочетание находится в придаточном предложении: *обратися болезнь на главу советника; в некое бо законопреступление впаде, ят, и обличен, камень овященный нечистую кровию своею первый оскверни* (с. 60);
- д) субъект, находящийся в предшествующем предложении по отношению к местоименному сочетанию, выражен винительным падежом с предлогом **о**, при этом наименование владельца отсутствует в неполном предложении, оно ясно из предшествующего контекста, например: *Горделивии убо уклоняются нарицателно, о ных же царствующий Перикл: Нарekoша имена своя на землях своих* (с. 118); *возвещает о печальном сем мучителю Валерий Максим, от безмернаго ужасу, чадом своим не верова, всегда бояся, хотя безмятежным имети сон* (с. 61).
- е) субъект выражен винительным падежом в предложении с причастным оборотом: *Тем Вергилий Энея Вождя прочим почитающим бодростна творит и много помышляюща в сердцу своем приводит* (с. 96);
- ж) местоименное сочетание указывает на принадлежность обобщенному лицу: *не всякому тайны сердца своего открывати подобает* (с. 98); *не известен добре жити, сердце свое всем неразсудно имеяй отверсто* (с. 98).

- з) субъект принадлежности выражен дательным падежом в предложении с деепричастным оборотом, при этом на предмет принадлежности направлено действие другого лица, не владельца: *воину римскому, известие приемши от некоего домовника дочь свою растлену, беззаконна раба чести потребителя, тяжчайшими обложи казньми, а дочь закла* (с. 116).

Владетель и местоименное сочетание в единичных случаях находятся в одном предложении, при этом на владельца (в форме подлежащего) направлено действие со стороны другого лица, выраженного отглагольным существительным: *Не неизвестны ли есмы, яко обыче Бусириг убивати странных? И сам от Ираклия пришелца в дом свои убиен бысть* (с. 59). Аналогичны приведенному случаю, когда предмет принадлежности является субъектом действия по отношению к владельцу, также действующему лицу (во множественном числе): *Слыша Царей и Кесарей от мерзостных человек, паче от своих воинов убиваемых, погибших?* (с. 57); *Возрем на действия древняя, обрящем от своих исеченных, Кесаря Нерона, ... Калигулу; своим же збоденных оружием, Катона, Брута... и иных весма безчисленных, их же всех исчисляти излишнее дело* (с. 58).

Формы выражения субъекта действия в «Феатроне» многообразны. Основное употребление местоимения **свой** наблюдается при указании действующему лицу в именительном падеже. Случаи с указанием на принадлежность косвенному субъекту менее представлены и отмечены в основном в сложных предложениях, где субъект может быть опущен и ясен из предшествующего контекста. Наблюдения над текстом показывают, что именно местоимение **свой** говорит о наличии субъекта – действующего лица в предложении. Наряду с местоимением **свой** в контекстах церковного содержания, отражающих книжный язык, при указании на принадлежность субъекту действия 1-ого и 2-ого лица находим местоимения **мой, твой, наш, ваш**. В контекстах другой тематики, более конкретной, местоимение **свой** наблюдаем в том же значении при указании на принадлежность 1-му и 2-го лицам, такие случаи используются автором с целью логического выделения, противопоставления.

В целом категория принадлежности, представленная в «Феатроне» притяжательными местоимениями, характеризуется разнообразием форм выражения субъекта действия, в некоторых случаях сложностью предложений, конструкций, в состав которых входят местоименные сочетания со значением принадлежности, и свидетельствует о важности данной категории в общей структуре текста и раскрытии содержания произведения.

Таким образом, местоимение **свой** указывает на принадлежность субъекту действия в форме подлежащего того же предложения, что и на-

звание предмета принадлежности. В редких случаях местоименное сочетание указывает на принадлежность косвенному субъекту (в форме дательного падежа, родительного, винительного, \bar{y} + родительный падеж).

Менее представлены конструкции с местоимениями его, ее, их: *велико есть необузданна языка невоздержание, возвещает премудрый: весь трудъ въ устахъ его. Добре сихъ ... рече: не всякому тайны сердца своего открывати подобаетъ; ... Премудраго правления первейшее наставление, есть молчание ...* (с. 98); *Началникъ должен имети неповинныхъ, Премудростию украшенныхъ, Приставниковъ, и держава его в благословении будетъ* (с. 117); *Вожденачалникъ яко отецъ разсмотрителне возлагати имеетъ людемъ бремена; в мире мирно и безмятежно будетъ место его* (с. 166).

В тексте отмечены примеры с дательным принадлежностью (включая дательный и в составе устойчивого сочетания). В основном дательный падеж принадлежности в данных конструкциях зависит от имени и глагола:

первее утвердите ми царство, аще же отвержен есмь, молю... (с. 113); *кровь ему от жил истоиися...* (с. 162); *некогда восхити ему змий сына...* (с. 40); *в коем месте ногу ми угнетает* (с. 77). На наш взгляд, меньшая зависимость от глагола наблюдается в контекстах церковного содержания, преимущественно в цитатах из Псалтири: *Бяху слезы моя мне хлеб* (с. 11). В данном контексте рядом две синонимичные конструкции, что также подчеркивает посессивное значение дательного падежа; из Евангелия: *Иже хочет в вас быти первый, буди вам раб* (с. 72); *аще поистине избираете мене себе Царя, то преидете под сень мою* (с. 82). В «Феатроне» сохраняются полные и энклитические формы местоимений в дательном падеже, выступающие со значением принадлежности, в отдельных случаях не зависящие от глагола.

Таким образом, текст митрополита Иоанна Максимовича «Феатрон», который репрезентирует книжный язык, отражает активное использование притяжательных прилагательных, в большей степени употребление конструкций с родительным принадлежностью, из местоимений преимущество за использованием местоимения свой. Это свидетельство того, что текст публицистический по преимуществу, в нем много обобщений, обращений к читателю с целью привлечь внимание к главной мысли автора: человек должен строить свою жизнь в соответствии с заповедями Божиими.

Наше исследование показало историческую значимость, динамику и специфику функционирования грамматических форм принадлежности в языке. Грамматические формы принадлежности на всех уровнях языка сохраняют свою значимость в речи: в духовном и светском общении, их варьирование объясняется определенной избирательностью в передаче оттенков смысла.

Использованная литература

- Алексеева, Н, Ушакова, А. «Феатрон» святителя Иоанна Максимовича как предмет лингвистического исследования. Зборник Матице српске за славистику 79, 2011: 149–153.
- Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1959.
- Вујовић, Мишо. Масакрирање истине. Подгорица. Нова Пазова. 2006.
- Житие Святителя Иоанна. Сайт выпускников Тобольской Духовной семинарии: <<http://www.tds.net.ru/index.php/nebesnye-pokroviteli/85mitropolit-ioann-maksimovich/108-zhitie-svyatitelya-ioanna?showall=&start=7> обращение> 31 января 2015 г.
- Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в / под. ред. В. В. Виноградова, Н. Ю, Шведовой. Москва: Наука, 1964.
- Микушин, А. Литературно-богословское наследие Святителя Иоанна. Тобольск, 2005. – <http://tds.net.ru>
- Маројевић, Радмило. Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развоју и данас). Београд: Филолошки факултет, 1983.
- Пипер, Предраг. „Посесивност”. [У:] П. Пипер, И. Антонић, В. Ружић, С. Танасић, Љ. Поповић, Б.Тошовић; М. Ивић (ред.) Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. Београд, 2005, 679–700.
- Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект Пресс. 2002.
- Шишкина, С.А., Ушакова, А.П. Когнитивное варьирование категории принадлежности. [В:] Н.Н. Болдырев (гл. ред. серии) Когнитивные исследования языка. Москва-Тамбов, 2014, 196–202.
- Ушакова, А.П. „Концепт «правитель» в русской духовной литературе (по произведению святителя Иоанна Тобольского Феатрон)”. Славистика XIX, 2015: 26–30.

Источник

- Максимович Иоанн. Феатронъ, или Позоръ нравоучительный, царемъ, княземъ, владыкамъ и всемъ спасительный, в немъ же что иматъ творити и соблюдати началницъ и киихъ устранятися, Черниговъ, 1708.

Александра Павловна Ушакова

КАТЕГОРИЈА ПОСЕСИВНОСТИ У ИСТОРИЈИ РУСКОГ ЈЕЗИКА
(НА ОСНОВУ ДЕЛА СВ. ЈОВАНА ТОБОЛСКОГ „ТЕАТРОН“)

Резиме

Рад је посвећен истраживању посесивних конструкција у тексту с краја XVII и почетка XVIII в. Као материјал за истраживање коришћено је дело митрополита Јована Тоболског „Театрон“.

Кључне речи: црквенословенски језик, посесивне конструкције, посесивна семантика, субјекат и објекат посесивности, субјекат радње, индиректни субјекат